

КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

ЗНАКОМЬТЕСЬ!

НЕТ, ЭТО не воспоминание о романе Стендаля, не повод к размышлениям о превратностях судьбы... О судьбе — потом. Просто красное и черное — цвета шутовского костюма.

МЫ ПРИВЫКЛИ воспринимать классическую балетную драматургию как взаимосвязь заранее известных символов: «он» — романтическая приподнятость и рыцарская элегантность; «она» — одухотворенность и женственность. Несложная, так называемая партерная, под-

теперь в благородную пластическую фразу: «Я вас соединяю», — он добавил «от себя» насмешливую улыбку и почти неуловимый жест. И возвышенное настроение рыцарских чувств исчезло — уж очень хорошо знал Шут, что оно — ненастоящее. Пожалуй, он действительно слишком много знал. И неверность Феба, и его изгнание — это предугадать было нетрудно. А вот когда торжество кончилось скандалом, лишь Шут знал, что ветреный капитан еще вер-

ной позе, как бы пытаюсь предугадать, что ждет его друга и повелителя...

Так вот чем продиктованы едкие насмешки и грустные улыбки королевских шутов — знанием! Шут прежде всего умен, он видит на два хода вперед, а то и на три. А где бессилён ум — он положится на предчувствие и будет прав. Пожалуй, наблюдательный Шут мог бы даже предсказать судьбу.

— СКАЖИ, можно ли на этом основании протянуть ниточку от твоих шутов к

держка, путешествуя с фотографии на фотографию, стала символом балета. Но он многомерен! В нем есть место гротеску, пародии, улыбке — и без них современная и классическая хореография много бы потеряли...

— Коронуют королей и шутов, — сказал однажды совершенно серьезно солист балета Василий Гончаренко.

Звучит парадоксально, но не верить нельзя. Не зря же и шекспировский Жак восклицал: «О! Будь я шутом! Я жду, как чести, пестрого камзола!».

В балете они не имеют имен. Просто — Шут, которого легко узнать по костюму, по гриму, по броской, вызывающе яркой манере танца.

Хореографическая лексика балетных шутов тоже отличается от «палитры» героев. И только едва уловимые оттенки смеха и печали заставляют отличать их друг от друга. Да, именно в них — все дело...

В РЕПЕРТУАРЕ солиста Государственного академического театра оперы и балета Латвийской ССР Василия Гончаренко — два Шута. В балетах «Собор Парижской богородицы» и «Лебединое озеро». Да и в других его ролях нередко имеется элемент клоунады, карнавальной суматохи, значительная доля юмора. Это — Санчо Панса в «Дон-Кихоте», Арлекин в «Мирандолине», негренок в «Чуде святого Маврикия», два забавных рыбака — один в «Шахунтале», другой в танцевальном номере из комической оперы «Ночь в Венеции»...

В «Соборе Парижской богородицы» Шут царит во втором действии. Он словно дирижирует торжеством помолвки капитана Феба и Флер де Лис. Событие значительное, что и говорит! Оно совершается на фоне куртуазно-изысканных танцев дам и трубадуров. И только руки жениха и невесты соединяет почему-то Шут. Он и раньше принимал участие в комедии ухаживания, посмеиваясь и над неотразимостью Феба и над кокетством Флер де Лис. А

нется к богатой невесте, и его простят, и придется повторить красивую пластическую фразу... Он словно едким куплетом кончает бал — успокоить Феба, намекнуть на что-то гостям, развести руками — «Господа, на сегодня комедия кончена!»...

Во время действия «Собора Парижской богородицы» были в моде всякие тяжеловесные аллегории. Тогда бы его величество Шута короновали персонажированные Лукавство и Насмешка. А вот действие «Лебединого озера» ни к какому конкретному веку не отнесешь. И Шут принца Зигфрида, как и сам принц, как и прочие персонажи, живет в атмосфере сказки.

Этого Шута Гончаренко сделал совсем другим. Он верит в истинность любви своего повелителя. Он предчувствует приход любви — недаром, опустившись на колени, так часто заглядывает в глаза Зигфрида, словно спрашивая: «Что с тобой происходит?». А принц взволнован неизвестно чем, он и сам не знает, какая сила уводит его ночью на берег Лебединого озера. Он только чувствует, что в кукольном придворном мире Шут — единственный, кто его понимает. И платит Шуту доверием.

Между Шутом и Зигфридом — постоянный незримый контакт. И в эпизодах первого действия, и в сцене выбора невест они ведут диалог — даже не столько пластический, сколько диалог взглядов. И, чувствуя неладное, Шут пытается то развлечь принца, то сгладить его конфликт с матерью. Иногда кажется, что он — ровесник Зигфрида, что к нему еще не успела прийти мудрость королевских шутов — с такой непосредственностью вмешивается он в развитие действия. И когда Зигфрид в отчаянии убегает из дворца, первым вслед за ним бросается Шут! Но бег его обрывается — Шут понимает, что помочь попавшему в беду принцу может только он сам. И замирает в скорб-

Року, из балета «Кармен-сюита»?

— Не совсем. В московской постановке роль эта отдана балерине, у них Кармен борется с Судьбой. А у нас Рок — мужская партия, и я считаю это правильным. Судьба — это «она», и она может оказаться справедливой. А здесь — тот самый «злой рок», который губит. Одно дело — знать судьбу, а другое — служить орудием зла. Кармен гибнет — и она в этом не виновата. Виновато роковое стечение обстоятельств.

Это оно — скрытое на сей раз под каким-то нереальным костюмом, с пиковым тузом на груди, — звание королевского шута... Так что же, будем считать его тему ведущей в творчестве Василия Гончаренко?

— Разве что одной из ведущих. Из всех своих ролей сам я, кажется, больше всего люблю роль Санчо из «Дон-Кихота»...

Жизнелюб и наивный хитрец, открытая и добрая душа, бессмертный спутник бессмертного рыцаря... На сцене появляется рыжий толстячок, и в зале начинается хохот — так органично он входит в комедийную обстановку спектакля, а главное — живет в этом спектакле всерьез.

Санчо, лихо отплясывающий нечто «испанское». Сколько блеска и задора, сколько радости в незамысловатых па! Артист Василий Гончаренко, любит характерные танцы, хотя исполнять их приходится, к сожалению, редко. А жаль! Мудрый Шут располагает лишь палитрой полутонов, но где-то должен же найти выход темперамент артиста, его стремительная энергия! Пожалуй, эти возможности В. Гончаренко реализуются только в роли Инки — оруженосца из балета «Золото инков» и в отдельных концертных номерах.

Коронуют королей и шутов... Ну что ж, он с честью может носить цвета шутовского костюма. Красное и черное...

Д. ТРУСКИНОВСКАЯ.